

Л. Н. Толстой

**Записки христианина,
дневники и записные книжки
(1881-1887)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
Записки христианина, дневники и записные книжки (1881-1887) / Л. Н. Толстой – М.: Книга по Требованию, 2021. – 302 с.

ISBN 978-5-4241-0727-6

ISBN 978-5-4241-0727-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Знаю, что за это заглавие меня осудят. Одни — большая часть — скажут: пора уж эти глупости оставить. Нынче все понимают, что христианская вера — одна из религий. А все религии — суеверия, то самое зло, которое больше всех мешает развитию человечества. Другие скажут: как христианин? Кто может сказать про себя: я христианин? Настоящий христианин прежде всего смиренен и не дерзает называть себя и печатно объявлять христианином. Пускай судят, я все-таки выставляю это заглавие. Я не боюсь осуждения в отсталости потому, что не только не считаю религию суеверием, но напротив, [считаю,] что религиозная истина есть единственная истина, доступная человеку, христианское же учение считаю такой истиной, которая — хотя и не хотят признавать это люди — лежит в основе всех людских знаний, и не боюсь осуждения в гордости названия себя христианином, потому что я понимаю слова: я христианин иначе, чем они обычно понимаются.

Слова: я христианин обыкновенно понимаются или так: я крещен, следовательно я христианин, или если тот, кто крещен, говорит я христианин, то слова эти понимают так, что он как будто говорит то, что он, кроме крещения, чем-то особенно христианин, и будто хвастается, что он исполнил учение, и действительно говорит или бессвязные, или безумно-гордые слова. Но я понимаю слова: я христианин иначе. Я был крещен и прожил жизнь язычником и потому не считаю христианином того, кто крещен, и говоря: я христианин, я не говорю ни то, что я исполнил учение, ни то, что я лучше других, я говорю только то, что смысл чел[овеческой] жизни есть учение Христа, радость жизни есть стремление к исполнению этого учения и

потому всё, что согласно с учением, мне любезно и радостно, всё, что противно, мне гадко и больно.

И я пишу это заглавие, потому что оно вполне выражает смысл моих записок.

Я прожил на свете 52 года и за исключением 14-х, 15-и детских, почти бессознательных, 35 лет я прожил ни христианином, ни магометанином, ни буддистом, а нигилистом в самом прямом и настоящем значении этого слова, т. е. без всякой веры.

10 Два года тому назад я стал христианином. И вот ¹ с тех пор всё, что я слышу, вижу, испытываю, всё представляется мне в таком новом свете, ² что, мне кажется, этот новый взгляд мой на жизнь, происходящий от того, что я стал христианином, должен быть занимателен, а может быть, и поучителен, и потому я пишу эти записки. О том, как я сделался из нигилиста христианином, я написал длинную книгу. В книге этой я подробно описал то, как я больше 30 лет прожил, пользуясь всеобщим уважением, даже похвалами за мои сочинения, совершеннейшим нигилистом. Слово нигилист у нас принято теперь употреблять
20 в смысле социал-революционера; но я употребляю его в его настоящем значении — неверия ни во что, кроме мамона. Там, в этой книге, я описываю, как я таким нигилистом прожил 35 лет, как я написал в поучение русских людей 11-ть томов сочинений, за которые, кроме всякого рода восхвалений, получил тысяч полтораста денег, ³ как я убедился, что не только ничему не могу учить людей, но решительно сам не имею ни малейшего понятия о том, что я такое, что хорошо, что дурно. И как, убедившись в своем незнании, не видя из него выхода, я пришел в отчаяние и чуть было не повесился, и как потом ⁴
30 различными мучительными и сложными путями пришел к вере

¹ *Зачеркнуто в рукописи № 2*: в эти два года вся моя жизнь переменялась.

² *Зач.*: не только для меня, но и для всех тех, кому я сообщаю мои впечатления

³ *Зач.*: и как я потом чуть было не повесился, когда хватился, что кроме брюха я ни во что не верю и как

⁴ *Зач.*: шаг за шагом

в христианское учение, и как я понял это учение. Книги этой, как мне говорили, напечатать нельзя. Если я хочу описывать, как дама одна полюбила одного офицера, это я могу; ¹ если я хочу писать о величии России и воспевать ² войны, я очень могу; если я хочу доказывать необходимость народности, православия и самодержавия, я очень и очень могу. Если хочу доказывать то, что человек есть животное и что кроме того, что он ощущает, в жизни ничего нет, я могу; если хочу говорить о духе, начале, основах, об объекте и субъекте, о синтезе, о силе и материи, и, в особенности, так, чтобы никто ничего не мог понять, я могу. Но этой книги, в которой я рассказывал, что я пережил и передумал, я никак не могу и думать печатать в России, как мне сказал один опытный и умный старый редактор журнала. Он прочел начало моей книги, ему понравилось. Так как он просил моего сотрудничества, я сказал: так вот, напечатайте. Он поднял руки и воскликнул: «Батюшка! Да за это и журнал мой сожгут, да и меня с ним». — Так я и не печатаю.

Я знаю, что мысль, если она настоящая, не пропадет, и потому книгу я отложил; и знаю, что если там есть настоящая мысль, ³⁰ то правда со дна моря выплывает; и труд мой, если в нем правда, не пропадет.

Но пока это будет, мне кажется, что, сообщивши столько дребедени — и боюсь, что вредной и соблазнительной дребедени, ³ — русским читателям, мне следует сообщить им и тот мой новый взгляд на мир, который дали мне мои христианские убеждения; тем более, что взгляд этот, мне кажется по тем беседам, какие мне случилось вести в эти два, три года, не очень распространен и не бесполезен другим.

Записки мои будут именно записки, почти дневник тех собы- ³⁰ тий, которые совершаются в моей уединенной деревенской жизни. Я буду писать только то, что было, ничего не прибав-

¹ *Зачеркнуто:* Если я хочу доказывать пользу или вред земства или классического образования, я могу

² *Зач.*: победы Скобелева

³ *Последние 7 слов восстановлены по автографу, в копии они пропущены.*

ляя и не придумывая, буду писать так, как будто ожидаю, что всё, что я пишу, будет проверяться и исследоваться. Время, место, имена, лица — всё будет настоящее. Не буду выбирать событий и дней, а буду писать подряд то, что случается, по мере того, как я буду успевать записывать.

8-го апреля. Это я написал утром, не зная, что я буду писать под этим днем, и вот нынче, 9-го апреля, я описываю то, что было вчера. Вчера я, по обыкновению, после моих занятий в 5-м часу вышел на крыльцо. ¹ В 5-м часу те, кому нужно, знают, что я сво-
10 боден, и ждут меня.

Так было и вчера. Выходя, я ² увидел мальчика старшего Ларивонова, он сидел на столбике ворот и очевидно ждал меня. ³ И еще за дверью кто-то стоял. Видна была тень от палки, на которую опирался кто-то. Ларивонов мальчик это старший из 5 сирот, оставшихся после мужика солдата, кучера, нынче осенью умершего в остроге. Он ждал, чтобы попросить у меня 10 коп. на лапти.

Ларивон и его сироты вот что. 20 лет тому назад я был посредником. Не помню, как и через кого попал ко мне кучером
20 только что вышедший в бессрочные артиллерист Ларивон, из деревни Тросны, за 8 верст от меня. Тогда я воображал, что освобождение крестьян есть очень важное дело, и я весь был поглощен им, и Ларивон, кот[орого] я подолгу во время наших переездов видал перед собой на козлах, мало занимал меня. Помню, молодцоватый высокий парень-щеголь. Он завел себе

¹ В рукописи № 2 зачеркнуто: Ко мне ходит народ за разными делами и, так как от 12-ти и до 4-х я бываю занят, то в 5-м часу иногда собираются довольно много людей. Выходишь обыкновенно усталый после работы, с желанием отдохнуть, а тут надо слушать, беседовать и всегда досадно.

По зачеркнутому рукой Толстого написано: Так как соседи мои, те, которые хотят меня видеть, знают, что я занят до 4-х часов, то обыкновенно я нахожу гостей иногда в передней, иногда

В этой фразе со слов: знают, кончая: иногда по ошибке осталось неза-
черкнутым.

² Зач.: глянул сквозь стеклянную дверь, никого не видно. Только

³ Зачеркнуто: Ну, этот не знает времени, подумал я. Кто этот мальчик и зачем он ждет меня — я расскажу после. Вижу, только этот мальчик, да через порог тень от палки. Видно, стоит, кто-нибудь ждет у крыльца, опираясь на палку. Я вышел.

шляпу с павлиньими перьями, красную рубаху и безрукавку. И помню, едем мы раз, встречаем баб, и они что-то сказали. Ларивон обернулся ко мне и, улыбаясь, говорит: — вишь, говорят, не на барина смотреть, а на кучера. Помню я его тще-славную добродушную улыбку, помню всегдашнюю расторопность, исправность, веселость и, хоть и привычную нам, но в Ларивоне поражавшую смелость. Была пристяжная кавказская, гнедая, злая лошадь. Завизжит, бывало, и бьет нарочно в человека, когда попадет постромка за ногу или возжа под хвост. Ларивон подходил к заду и как с теленком обращался 10 с ней. Так он и отслужил у меня, пока я не уехал. И осталось у меня воспоминание славного, доброго, веселого и хорошего парня. Такой он и был.

В нынешнем году осенью пришла Тита Борискина (наш мужик) баба. Старушка старого завета, тихая, кроткая, ласковая, иссохшая в щепку, всё желтое лицо в морщинках, морщинах и буграх между морщинами. — Что скажешь? — Да об своей горькой вдове — Ларивоновой. Дочь она мне, за Ларивоном была, кучером жил у вас.

Я вспомнил с трудом Ларивона. 20

¹ — Умер он.

— Давно ли? Отчего помер?

² — Бог его знает, сказывали, чахотка со скуки напала.

— Какая же скука, отчего?

— Как же, 2-й год в замке.

— За что? Ведь он, кажется, хороший был малый.

— Малый такой, что на редкость, одно — выпивал, — оно, вино, и стубило. А теперь дочь осталась, а ее деверь гонит, дочь мою. А куда она сама пята пойдет? Самой 2-их еще прокормить, а пятерых где ж прокормить. А наше дело тоже бедное. 30

Я стал расспрашивать, и вот что мне рассказала старуха. Ларивон после меня женился на ее дочери, завелся хозяйством с братом и жил хорошо. Но человек, уже оторванный от своей прежней жизни, изломанный солдатством, он дома уже был не жилец, и его опять тянуло в должность, чисто ходить, сытней есть, чай пить. Брат отпустил его, и он поступил в кучера к

¹⁻² Абзацы редактора.

очень хорошему человеку, Мир[овому] Судье. Опять, как со мной, он стал ездить, щеголять в безрукавке. И Мир[овой] С[удья] был им доволен. Случилось раз отправил Мировой Судья лошадей домой и велел покормить дорогой на постоялом. Ларивон покормил, но на четверку овса показал, а не скормил и выпил на эти деньги. Узнал это Мир[овой] Судья. Как поучить человека, чтоб он таких дел не делал? Прежде были розги, теперь суд. Мировой Судья подал товарищу прошение. Мир[овой] С[удья] надел цепь, вызвал свидетелей, привел к присяге кого
 10 следует, предоставил право защите, встал и по указу Е[го] И[мператорского] В[еличества] приговорил к меньшей мере наказания, пожалел человека, на два месяца в острог в г. Крапивну.

Я был в этом остроге и знаю его. Знаю запах этого острога, знаю пухлые, бледные лица, вшивые оборванные рубахи, параша в палатах, знаю, что такое для рабочих людей праздность взаперти день, два, три, каждый день с 24 часами, четыре, 5—сотни дней, которые просиживают там несчастные, только думая о том и слушая о том, как отомстить тем, которые им отомстили. Туда попал Ларивон и снял поддевку, красную
 20 рубаху, надел вшивую рубаху и халат и попал в рабство к сморчителю. — Зная тщеславие, самолюбие Ларивона, я могу догадываться, что с ним сделалось. Теща его говорила, что он и прежде пивал, но с тех пор ослаб. Несмотря на то, что он ослаб, М[ировой] С[удья] взял его опять к себе, и он продолжал жить у него, но стал больше пить и меньше подавать домой брату. Случилось ему отпроситься на престольный праздник. Он напился. Подрались мужики и одного прибили больно. Опять пошло дело к Мир[овому] С[удье]. Опять цепь, опять присяга, опять по указу Е[го] И[мператорского] В[еличества].
 30 И Ларивона посадили на 1 [год] и 2 месяца. После этого он вышел, уже вовсе ослабел. Стал пить. Прежде и выпьет — разума не теряет, а теперь стакан выпьет и пьян — не стали его уж и держать в кучерах. От работы отбился. Работал с братом через пень колоду. И только и норовил, чтобы где выпить.

Старуха рассказывала, как в последнее она видела его на воле.

— Пришла я к дочери. У них свадьба была у соседа. Пришли со свадьбы, легли. Ларивон просил 20 к. на выпивку, ему не

дали. Лег он на лавке. Старуха рассказывала. Только стал свет брезжиться, слышу Ларивон встал, заскрипели половицы, пошел в дверь. Я еще окликнула его: куда, мол. Голоса не отдал и ушел. Только мы полежали, поднялась я. Слышу на улице крик — вышла. Идет Ларивон и на спине борону несет, а вдовья дьячиха за ним гонит, кричит караул, замок в клетке сломал, борону украл. А уж белый свет. Собрался народ, староста, взяли, связали, отправили в стан. Потом уж и дьячиха тужила, не знала, что будет за борону. Не взяла бы, говорит, греха на душу.

Повели Ларивона в острог. Суда дождался 6 месяцев, вшей ¹⁰ кормил, потом опять присяга, свидетели, права — и по указу Е[го] И[мператорского] В[еличества] посадили Лари[вона] в арестантские роты на 3 года. Там он не дожил 3 лет, помер чахоткой.

Я вышел. Костентин. Костентин невысокий, скуластый мужик лет 35 с маленькой рыжеватой бородкой, большими глазами, ноздрями и губами. Костентин в нашей деревне хоть не самый бедный, есть беднее, но, на мой взгляд, самый жалкий мужик. Но жалок он только на мой взгляд. Сам же он никогда не признавал себя жалким. Только нынешний год в первый раз нужда сломила его. И он, всегда бодрый, чудной шутник, ²⁰ ослабел и нынче зимой, когда я, перебивая его шутки, допрашивал его подробнее об его положении, я видел на его круглых, больших, чудацких глазах — слезы. Но это было только раз. Он и теперь шутит.

— Что, Константин?

— Да лошадь ободрал.

И он пытливо смотрит на меня, понимаю ли я его, понимаю ли, что для него возможны только два отношения к этому делу: зубоскалить, — это он готов, или дело — дать ему денег сейчас же, завтра на базаре, в чистый четверг, пока еще ³⁰ не запахали мужики, купить лошадь.

— Да вот, принес вам жизнь свою, на гулянках списал, — и он из кармана полушубка достал свернутую в трубку исписанную бумагу. Я просил его написать мне свою жизнь.

Вот это описание его жизни. ¹

¹ Далее в автографе написано: (выписать описание). В рукописи № 2 сделана приписка рукой А. П. Иванова: Следует описание жизни Константина.

жизнь диривенского мужика. АДИНОКАВА КАСТЮШИ БЕДНЯКА.

Жил я с младости и ни видал себе радости. Прожил я, Кастюша, тридцать пять лет, и пиринес нужды, и нидостатков, и бет. Конца нет. Атец у меня прапал, как славна в глыбокою озира на дно упал, тичение таму времю прашло двадцать пять лет. Абнем ни писим и ни слуху никакова нет. А остался я с дедушкой жить.

Ну, дедушка мой так был крепка сирдит, что с ним никаким манерам нельзя было жить. Я ему хачю как нибудь угодить. А он меня схватить за волоса и давай мене как собаку калатить. Ну, тем больше я бегством спасался летнию парой у роше начевать, по дви ночи бросался: после егава дамой приду. Ежели брань начюю, то и *еще* начюю.

вот задумал мой дедушка мене Атделить, девить чистой себе Аставил. А дисятую часть, панамарскую мне Атдал и совсем мене и здому прогнал, и скага дал лошадь и карову. А издених Хоть-ба один грош паганай на дорогу. у нас денех было многа. А и спастройки ни избы и ни двора и ни Аднаво кола. дедушка мне Атказал и слова ни сказал.

Я, Кастюша, подумал себя: дело моее дрянь, и гдежа Я буду жить? Ну всветаки, я, Кастюша, придумал. надо мне волосное правление к старшине ходить на своево дедушку попросить, что-ба сваи Абиды придоставить. А мене без последствия ни оставить. ну старшина в скарам время в деревню явился и к маму дедушки и под явился, все права придоставил, чтобы мене дедушка избу с двором поставил. Ну-ть построит, ни посреди диревни, А на самом краю. Тольки я, Кастюша, и знаю летом чужую скатину отганяю. А зимой каждый день снег от гребаяу, савсем занесло, что никак в избу не пралезишь. А вот прашло мне двадцать лет — стала мать камне приставата. Кастюшка тебе надомна женица. А Я матери говорю. На что мне женица, чтобы совсем разорица. Ну *всё* таки на том мать настояла. Жинился, жену себя узял нивиличка А круглоличка, толька ужасна едовита, да ктомуужа плодовита: кажный гот ражая, ну за то никаво ни Абижая. А астались дитей у нас только двоя, ну она и по етих кажный день воя, что галодная судьба на нас настала, что у нас хлеба куска ни достала вот *те-та* года. Я, Кастюша, проживал нужды и горя крепка нивидал. А — теперя Абносилс кажный день. А бубаю лапти разбиты, А галавашки полны снегом набиты, кажвию ночь тирпеть мене насила вмочь, кашляю — перхаю, А у нох своих угману ни знаю: так ломють, что ноги мои крепка простужены. Живу так богата, что ни дай бог никому: босаты имею и нагаты навешаны полны шосты. А холоду и голоду полны А-нбары. ну буду помнит осмидесятый год: даже нечевапаложить в рот чють *нисчиво* проглядишь, то день и два ни емши сидишь. А *исче* у стале хлеба ни чюишь, то ни ужинамши *начоешь*.

Так он шутит всегда. И так он бедствует всегда. — Мы давно с ним знакомы. Еще в 61 году он ходил в мою школу. Он был

старше всех ребят, знал грамоте по церковному, и потому с презрением относился к нашему учению, и ходил редко, и скоро совсем бросил. Это было в то самое время, когда дед его с матерью отпихнул от себя и не выделил ему части. Отец его правда что пропал. Отец его, Николай, тоже мне хорошо известный мужик, был старшим сыном деда Костюшки Осипа Наумыча. Это был здоровенный, ухватистый и смиренный мужик. Он в доме отца ворочал больше всех. Вздорный старик всячески терзал его и любил меньшого сына Петра. Когда Петр подрос, Николай рад был уйти на заработки. И жил в Москве 10 и в Питере лет 10, подавая всё отцу, и изредка приходил домой. Николай был смиренный, сильный, честный работник, и хозяева наперерыв звали его к себе и набавляли цены. Он в те времена, за 30 лет, присылывал отцу по 70 р. В последнее служил он в царском саду в Гатчине, дорожки делал. Потом на весну видели его на кораблях. Он грузил пароходы и по рублю в день гонял и высылал отцу. И потом пропал. Говорили, что помер, говорили, что в Америку уехал. Так вот лет 5 после того, как пропал Николай, старик дед отпихнул от себя сноху с сыном и не дал им никакой части из скотины и из денег. Во времена 20 моей школы Костентин, 16—17 лет, обзаводился домом. И с тех пор жил так, как он описал в своей жизни. — После того, как я его часто видал в школе и говорил с ним, я лет через 15 в первый раз поговорил с ним — лет 5 тому назад. Я ездил верхом на лошади, чтобы не запотеть и не устать, купать свое тело в реке, в нарочно устроенной для этого купальне и возвращался домой. По дороге лесом я объезжал воза с сеном. Мужики везли на мое гумно скошенное, высушенное и собранное ими сено. И им не только не казалось странно ¹ отвезти ко мне и уложить хорошо мне в стога половину того сена, к[оторое] выростил 30 Бог и за которым они с своими бабами и с недоедающими детьми от зари до зари потели дней 15; но они даже с особенной радостью везли это сено, зная, что после этого им можно будет свезти и свое. И, судя по выражению их лиц и по тому, как они здоровались со мной, видно было, что им нисколько не противно смотреть на мою гладкую, сытую лошадь и на мое толстое брюхо,

¹ Зачеркнуто: что они дней 20 потели за

но что они даже с удовольствием встречают меня. И мне тогда было это не стыдно, а от их добродушных приветов стало весело. Лошадь моя пожалась от кустов и надавила на воз и на мужика, прижавшегося к возу.

¹ — Здравствуй, Лев Николаич.

² — А, Константин!

Рыжая бородка, усики, слабо растущие, как всегда у недо-
едающих людей, мало изменили его лицо. Те же чудные, играю-
щие глаза, тот же широкий рот и толстый маслак скул, колен,
10 локтей, лопаток и развалистая походка.

³ — Давно мы не видались. Как поживаешь, Костентин? ⁴

— Ничего, живем, хлеб жуем.

⁵ — Что же, дети у тебя?

⁶ — Как же, трое.

⁷ Я знал, что он одинокий, и мне хотелось узнать, подросли ли уже помощники. Лошадь уже проходила мимо воза. Чтоб спросить скорее, я сказал: что ж, подсобляют? Я уже объезжал его лошадь, так что только он мог успеть дать только один короткий ответ.

20 — Оба пола краешки подсобляют, — крикнул он мне своим чудным, громким голосом.

У него были три девочки: 8, 6 и 3 лет. Так он шутил и до сих пор шутит. Но последнее время шутка осталась та же, но к шутке примешалась горечь.

В нынешний ⁸ год он шутит также, но видно, что нужда подъела его, что только ухватка держит его. Он трещит. Он знает, что он слаб, и боится, как бы не ослабеть.

— Ну что, как ты живешь? — спросил я, когда вышел на крыльцо.

30 — Да плохо, Лев Николаич.

Я нынче зимою часто видал Костентина и знал, что он доел свой хлеб до рождества и пробивался кусочками, к[оторые] он скупал, когда были деньги, у нищих, знал, что и корм скотине от дождей осенних и от мышей, переевших у нас всю солому,

¹⁻³ *Абзацы редактора.*

⁴ *Зачеркнуто в автографе:* Ты уж и оброс

⁵⁻⁷ *Абзацы редактора.*

⁸ *Зачеркнуто:* страшно тяжелый год для бедняков его шутливое